

УДК 82.015 (470.6)
ББК 83.3 (235.7) – 4
Х 98
Б.Д. Хунагова

Особенности лиро-эпического жанра в литературе народов Северного Кавказа

(Рецензирована)

Аннотация:

Статья посвящена особенностям лиро-эпического жанра, характерным для литературы народов Северного Кавказа, а также влиянию традиционной фольклорной тематики на творчество северокавказских поэтов.

Ключевые слова:

Субъективизация, взаимопроникновение, фольклор, лиро-эпический жанр, эпизация, народный эпос, национальные художественные традиции, литература народов Северного Кавказа, героико-исторические песни, субъективированный характер, противоречие, историческое бытие своего народа

Обращение к традиционной фольклорной тематике становится характерной чертой творчества поэтов Северного Кавказа. Мотив преемственности нравственно-эстетических традиций приобретает философскую насыщенность, являясь свидетельством исторической глубины осмысления действительности.

История и современность оказались склонны к взаимопроникновению, встреча этих двух глобальных понятий в границах одного произведения характеризует не только авторскую философско-мировоззренческую мысль, но и находит выражение в образной структуре поэм, в их внутренней организации. Этому способствует и духовная свобода самих писателей, напрямую связанная с возрастанием роли субъективного начала, таланта и мировоззрения каждого из них, с возможностью самостоятельно открыть истину, быть более объективным и правдивым в показе исторического бытия своего народа.

Причем со временем обращение к фольклору становится все более творческим: поэтов больше волнует эстетическая природа национальной художественной традиции, философская направленность содержания народного эпоса.

Возвращаясь к той грани определенной нами проблемы, которая относится к эволюции жанра поэмы и к выявлению ее своеобразия в литературах народов Северного Кавказа, заме-

тим, что процесс развития северокавказской поэмы не завершен, он продолжается и в настоящее время. Современная поэма, как пишет А.Жаков, «усложняется, стремится от одноплановости к полифонизму и полиритмичности» [3]. Благодаря гибкому использованию различных форм структурной организации стиха (монологи, сонеты, верлибр), поэты все чаще обращаются не к внешней «технологии стиха» (Ф.Урусбиева), а к внутренним его отношениям – образно-композиционным, непосредственно выражающим отношение поэтов к миру.

В конце 50-х и на протяжении 60-х годов минувшего века явно увеличивается значимость для всей поэзии в целом именно субъективного акцента. По мере формирования новых общественных отношений поэма обогащается новым жизненным содержанием. Все это получает свое выражение в постановке проблемы личности в социально-философском и нравственно-психологическом аспектах. На протяжении данного периода возникает значительное количество поэм философского и этологического содержания. Такие варианты и модификации, как лирические монологи, поэмы-воспоминания, поэмы-посвящения, поэмы-убеждения, одические поэмы, лирико-драматические поэмы, все чаще расширяли границы традиционной поэмы. Традиционное эпическое повествование по форме выражения более бесстрастно, спокойно и размеренно. Когда же

рассказ ведется от имени самого героя, создается существенный эмоциональный эффект. Здесь следует отметить, что тенденция субъективизации не миновала в свое время и произведения горского фольклора.

Взаимодействие лирической и эпической тенденций необходимо учитывать при обращении к фольклорному стиху, имеющему довольно сложную систему жанрово-стилистических разновидностей. Это разграничение оказывается, в частности, весьма значимым при рассмотрении так называемой «музыкально-речевой» природы фольклорного стиха. В стихе лиро-эпического типа, вводящем четкое сюжетное движение и развернутые эпические характеры, само обращение к стиху уже свидетельствует о роли образа повествователя даже в том случае, если он неперсонифицирован. Само обращение к стихотворной речи с несомненностью говорит об определенной субъективно-оценочной позиции повествователя, не столько описывающего жизненную ситуацию, сколько передающего свое отношение к ней.

В отмеченном факте можно проследить одну из начальных предпосылок лирики. Дальнейшее развитие личностного начала – путь к лирическим жанрам. Однако в эпосе это проявляется еще довольно робко и не всегда последовательно. Причем этот прием был больше характерен для героико-исторических песен, что, возможно, обусловлено относительно немалым вниманием героико-исторической песни к эмоциям и переживаниям персонажа.

Подобные фрагменты текста выступают повествованием о происшедшем. К примеру, по свидетельству А.М. Гугова, «в адыгском эпосе Сосруко рассказывает о том, как встретился с незнакомым богатырем. Батараз – о том, как убил Пши-Маруко, своего кровника. В пшинатле о Батаразе эпизод изложен дважды: первый раз – в контексте развития сюжета, второй – в монологе Батаразы у кадки с нартским напитком. В обоих случаях рассказ ведется от первого лица. То же наблюдается и в вариантах сказания о бое Сосруко и Тотреша» [2].

В данном случае изображение непосредственно самого боя с точки зрения описания сражения, естественно, чрезвычайно скупо. Но оно определяет собой богатую эмоциональную картину этого сражения, данную как переживание повествователя, в каждом слове, в каждом вос-

клицании и в каждой паузе которого раскрывается сложное душевное движение, вызванное этой битвой.

В этом смысле само повествование постепенно принимает субъективированный характер: наряду с действующими лицами, т.е. с участниками сюжета как системы событий, появляется вне сюжета повествователь, дающий субъективную оценку событиям; эта оценка обнаруживается, прежде всего, в строе повествовательной речи, получающей различную эмоциональную окраску в зависимости от отношения повествователя к изображаемому. Поэтому лиро-эпический жанр с изображением характеров и в действии, и в субъективных авторских оценках, данных в повествовании, характеризует чаще всего произведения, в которых присутствует известное противоречие между объективным, жизненным материалом и субъективным отношением к нему автора (ярким примером этого являются «Мертвые души» Гоголя с их лирическими отступлениями, несущими отчетливую композиционную функцию).

Но в ряде случаев обобщения писателя не могут полностью перейти в характеры, события и т.д., так как жизнь не дает для них достаточного материала или этот материал не удовлетворяет писателя. Произведение и его идейное содержание поэтому могут иметь такую структуру, в которой сюжет дополняется, уравнивается и внесюжетным материалом. Писатель в силу тех или иных причин не может уложить свой жизненный материал в сюжет, т.е. в самородное развитие действия, и субъективно интерпретирует его. Такого рода соединение лирического и эпического начал, выражающееся в переплетении сюжета, в отражении жизни и через переживания, и через законченные характеры, придает произведению своеобразный характер, говорит о том, что налицо несколько особый тип композиционной организации, изображения характеров (и через их собственные поступки, и через те переживания, которые они вызывают у повествователя).

Но мы стараемся вести речь именно о факте влияния фольклора на сюжет поэтических произведений и о плоде подобного влияния – о горской эпической поэме. Критики единодушны в том, что в поэзии северокавказских авторов встречаются прекрасные лирические стихи,

но, как признается большинством исследователей, в этих произведениях преобладает эпическое начало. Еще раз отметим, что во многом это было обусловлено горскими фольклорными традициями, где всегда доминировало героико-эпическое начало. Вот чем объясняет тенденцию обращения поэзии к фольклору дагестанский исследователь Ч.Юсупова: «Движение современной поэмы к воспроизведению непреходящих духовно-нравственных ценностей обращает писателей Дагестана к народному эпосу» [5].

А непосредственно по поводу эпизации поэзии Гегель отмечал следующее: «В этом отношении, во-первых, поэзия доводит до внутреннего представления развернутую целостность духовного мира в форме внешней реальности, тем самым повторяя внутри себя принцип изобразительного искусства, делающего наглядной саму предметную сторону. С другой стороны, эти пластические образы представления раскрываются поэзией как определенные действия людей и богов, так что все совершающееся или исходит от нравственно самостоятельных божественных или человеческих сил, или же испытывает сопротивление со стороны внешних препятствий и в своем внешнем способе явления становится событием, в котором суть дела свободно раскрывается сама по себе, а поэт отступает на второй план» [1].

Влияние фольклора наиболее ощутимо прослеживается в самые первые десятилетия становления молодых северокавказских литератур, лишь недавно приобретших письменность и еще сохранявших существенные связи с национальными устно-поэтическими традициями своих народов. По заключению Ч.Юсуповой, «анализ поэм, созданных на основе фольклорного материала, позволяет выявить художественное своеобразие сюжетов, ткани стиха, ритмики, интонаций и одновременно раскрывает типологические принципы обработки и толкования народных текстов» [5]. В последующие годы и десятилетия данное воздействие несколько видоизменяется, «оно становится более творческим» (Х.Баков).

60-70-е годы XX века в литературоведении обозначены усилением принципа историзма, обусловившим последовавший затем подъем всей северокавказской литературы. Усиление диалектичности восприятия мира определило

монолитное, принципиальное постижение отношений фигуры и обстоятельств.

В этот временной период жанр лирической поэмы стал особенно популярным («Родная земля» К.Отарова, «Чегемская поэма» и «Радость – золотая птица» К.Кулиева, «Мое детство» А.Хавпачева, «Четыре яблони» С.Гуртуева, «Водка» М.Паранука). Материал легенд, преданий, баллад предоставляет значительные возможности для внесения в народные тексты субъективно-личностного начала. Причем с формированием творческой личности каждого из поэтов их взаимоотношения с фольклором постепенно приобретают кардинально иной оттенок, они применяют отдельные его элементы, придавая своеобразное, отличное от предыдущего наполнение старинному контуру.

В то же время северокавказских поэтов, опирающихся в своем творчестве на элементы и средства фольклора, периодически прельщает сюжетно-тематическое разнообразие и образное богатство, сосредоточенное в народных текстах: действующие персонажи и исторические факты, отражающие героическое сопротивление горцев многочисленным иноземным захватчикам. Причем, осмысливая своеобразие поэтического мира каждого из авторов, связь этой сферы с поэтическими традициями своего народа, можно утверждать, что традиционные эпические образы непринужденно, без всяческих усилий модифицируются в их поэтических произведениях.

Таким образом, поэты сознательно не уходят в глубь истории, стремясь дать достоверное описание каждогодневного быта, общественного строя и бытия своего народа, начиная с ландшафта и заканчивая устройством жилища, от памятников исторических, этнографических и религиозных до разделения племен, промышленности, нравов и обычаев. Эпическое начало в их произведениях обусловлено тем, что в процессе создания своих строк они опираются не только на предания и легенды, но и, прежде всего, на знание реального быта своего народа и природы Кавказа, их социального устройства и духовной культуры, выделяя в ней не столько религию, сколько менталитет, горский этикет и другие этнические основы культуры своего народа.

Примечания:

1. Гегель. Эстетика: В 4 т. – М.: Искусство, 1971.
2. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. – Нальчик: Изд. центр «Эльфа», 2000.
3. Жаков А. Г. Современная советская поэма. – Минск: Изд-во БГУ, 1981.
4. Урусбиева Ф.А., Холаев А.З. Балкарская литература // История советской многонациональной литературы: В 6 т. – М.: Наука, 1974.
5. Юсупова Ч.С. Коранические мотивы в дагестанской литературе XIX века на материале аварской поэзии // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 1.